

18+

КСЕНИЯ КОШЕЛЕВА

ЖИЛЕЦ
РАССКАЗЫ

Ксения Кошелева
Жилец. Рассказы

«Издательские решения»

Кошелева К.

Жилец. Рассказы / К. Кошелева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986840-4

После смерти матери Ева остается одна и, ещё не успев оправиться от потери, вынуждена найти жильца во вторую комнату. Жилец воспитан, помогает по дому, платит новыми купюрами, но не торопится рассказывать, как оказался в городе, почему вздрагивает от каждого шороха и по утрам просматривает последние страницы газет. История морального выбора едва знакомых людей под влиянием реальных исторических обстоятельств — и о последствиях этого выбора.

ISBN 978-5-44-986840-4

© Кошелева К.
© Издательские решения

Содержание

Жилец	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Жилец Рассказы

Ксения Кошелева

Редактор Любовь Пудовкина

Иллюстратор Марина Алеф

© Ксения Кошелева, 2024

© Марина Алеф, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-4498-6840-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарю за бесценную помощь в работе над книгой **Любовь Пудовкину**, за иллюстрации, передающие атмосферу мира – **Марину Алеф**.

Посвящается моей маме и моим друзьям.

Ксения Кошелева, 2020

Жилец

Дом стоял на краю оврага, за своротком. Полоса отчуждения начиналась в двух шагах от него, и когда под окнами проходил поезд, в буфете дрожали тарелки, а в стаканах – ложечки, и казалось, трещины в стенах расходятся сильнее с каждым разом. Металлический голос диспетчера, отражавшийся многократным эхом, уже не будил по ночам, но вплетался в сны, давно наполненные скорыми, товарно-пассажирскими и курьерскими.

В шкатулке ещё оставалось немного денег, но Ева всё же достала из комода чистую тетрадь в клетку, разогнула скрепки и на каждом листке крупными буквами вывела: «Сдаётся комната». Клея и кнопок не нашлось, поэтому Ева взяла комок красного пластилина, окаменевшего, как древний моллюск, и вышла на улицу, сжимая его в кулаке, а в зубах сжимая сигарету.

Последний лист унесло ветром, пока Ева пыталась приладить его к столбу церковной ограды. Чертыхнувшись, Ева прижала пальцы к губам и взглянула опасливо на шпиль, с которого на неё смотрела сорока. Листок же мягко поднялся в воздух, перелетел на середину дороги и спланировал в лужу, подёрнувшуюся ледком.

– Ты что здесь?

Ева мотнула головой и опустила глаза, вместе с тем подняв ворот пальто. Вздохнув, отец Пётр прислонил метлу к оградному столбику и сам привалился к нему боком. Из кармашка жилета он вытащил очки, надел криво на нос и сказал вполголоса, не глядя на Еву:

– А я думаю, чего мне Бланка приснилась. Думаю, может, и Еву увижу... Может, придёт в церковь-то.

– Пойду я.

Отец Пётр снял очки и повертел их в пальцах.

– Господь наш добр, – сказал он, и Ева, ничего не ответив, двинулась с места, вжимая голову в плечи.

Клетчатый лист, намокший уже на две трети, слабо дёрнулся от налетевшего ветра и влип совсем – слова на нём растеклись, и нельзя было разобрать ни единой буквы.

Из крана не вытекло ни капли, и Ева завернула вентиль обратно, вытирая слёзы рукавом. Сняв с крючка полотенце, она прижала его к лицу и стояла так, наверное, вечность, пока в дверь не постучали – два удара, за ними ещё два. Ева обернулась к проёму, часто моргая, и только тогда поняла, что стучат не в дверь ванной, а во входную. Взяв подсвечник с полочки у зеркала, по-прежнему завешенного наволочкой, она вышла в коридор.

– Мне хочется знать, – заговорила пани Влашува, сразу же заходя в прихожую, – мне хочется знать, когда всё это кончится. Ведь в прошлый вторник приезжал инспектор. Ведь смотрели все щитки, все трубы. Входили в подвал и смотрели трещину. Входили ко мне и смотрели трещину! И что?

– Что? – эхом отозвалась Ева, поднимая подсвечник так, что заколка в пучке волос на макушке соседки блеснула, как бриллиант.

– Теперь они перекрыли нам воду!

Ева опустила подсвечник, и пани Влашува сокрушённо покачала головой, прижимая тонкие пальцы к вискам.

– Нет, моё сердце не вынесет. Мало нам горя с Тиной – они нас словно изводят... Невозможно существовать в таких условиях, понимаете?

Осторожно кивнув, Ева стала бездумно грызть ногти, пока соседка жаловалась на неповоротливость бюрократической машины и разгильдяйскую бесхозяйственность управы.

– В том году говорили про три комнаты. Разве можно нам в трёх? Потом Ваца встретил Тинку, и нам обещали четыре... А Тинка сбежала от Вацы – и вот опять! Нет, нет, в таких условиях просто невозможно существовать, я умру, непременно умру...

Ева туло уставилась на неё, а затем отвернулась. Пани Влашува открыла рот, намереваясь прибавить что-то ещё в том же духе, но, поняв внезапно смысл сказанного, извинилась и поспешно вышла из евиной квартиры, закрыв за собой дверь. Взглянув на узкое зеркало, задёрнутое старой скатертью, Ева ушла в свою комнату, задула свечу и легла ничком на кровать.

Колёса стучали за окном, звенели ложки в буфете и подрагивали стеклянные капли на люстре, за обоями шуршали тараканы.

Ева лежала лицом вниз, вжимаясь в сырую подушку, а когда в дверь вновь постучали, прошептала коротко «уходи».

Но стук повторился вновь, и тогда Еве пришлось сесть, спустить ноги с кровати и вдеть их в растоптанные домашние туфли. Эти действия заняли у неё, казалось, столетие.

На ощупь она выбралась в коридор, задержалась на мгновение у запертой комнаты, и наконец раскрыла входную дверь. На пороге стоял человек в чёрном пальто, замотанный в чёрный же шарф грубой вязки. В одной руке он держал обтёрханный саквояж вроде докторского, в другой – сложенный вчетверо клетчатый лист.

– Добрый вечер, – сказал он немного в нос и, развернув листок, показал его Еве. – Это вы сдаёте комнату?

Ева посмотрела на выведенные ею утром буквы и кивнула.

– Только у нас нет света, – сказала она глухо, показывая пальцем на лампочку над головой гостя, и добавила: – И, кажется, отключили воду.

Человек кивнул – его, видно, не пугали никакие сложности.

– Тобиаш, – представился он, разворачивая немного шарф так, что наружу показался костистый покрасневший нос и усы торчком.

– Ева.

В гостиной, показывая Тобиашу диван, на котором ему предстояло спать, и шкаф, в котором он мог разместить свои вещи, Ева заметила вдруг, что вещей-то у него особенно и не было.

– Я обхожусь и так, – кратко пояснил тот, ставя саквояж у ножки стола, и на душе у Евы, сомневавшейся до сих пор, что он согласится, стало чуть легче: саквояж на полу – словно якорь в порту.

– Воду, может быть, скоро включат, – сказала она неуверенно, – а свечи возьмёте в комод.

Тобиаш сунул руку в брючный карман, доставая ворох купюр – как смятых и истрёпанных, так и новых, согнутых впервые. Отсчитав новыми ровно ту сумму, которую Ева просила за месяц, он прибавил ещё столько же и отдал ей.

– Я... Я могу готовить, – севшим голосом сказала Ева, разглядывая деньги в своих руках.

– Я тоже могу, – ответил Тобиаш.

Спрятав наполнившуюся шкатулочку сначала за подушку, а потом под кровать, Ева поправила наклонившуюся набок свечу и тут же схватилась за ухо пальцами, обжёгшись воском.

Голос за окном призвал обходчиков на вторую платформу, и Ева подошла к окну, разглядывая сходящиеся и расходящиеся рельсы, ярко освещённые фонарями. От водонапорной башни двинулась стайка обходчиков, скрывшихся за стоящим составом старых цистерн.

Тихо падал снег, первый в этом году.

Ни звука не слышалось из-за стены справа от Евы, и ни звука – из-за стены слева. Ева взглянула на остановившиеся часы с кукушкой и задула свечу.

Под самое утро приснилось, что в окна, в дверные проёмы и трещины в потолке и стенах хлещет вода, и Еву вместе с её кроватью увлекает водоворотом в бесконечные бездны. Раскрыв широко глаза, Ева увидела над собой жёлтую рогожку, вылезшую из потолочной трещины, и перевернулась на живот, вытирая углом простыни взмокшую шею.

Звук льющейся воды, впрочем, не исчезал, и Ева в конце концов поняла, что раздаётся он из ванной.

Выбравшись из постели, она мельком взглянула на будильник, стоявший на стуле у кровати, – десятый час. На подоконник села синица, деловито заглянула в комнату и тут же улетила – Ева махнула ей рукой и набросила на плечи халат. Сунув концы пояса в карманы, чтоб не мешались, она выглянула из комнаты в коридор.

Дверь в ванную была раскрыта настежь – Тобиаш мыл голову над раковиной, фыркая, как норовистый конь.

– Доброе утро, – сказала Ева, и Тобиаш выпрямился, роняя на кафель мыльную пену и зажмуривая левый глаз.

– И правда доброе – воду дали...

Тобиаш вздрогнул всем телом – струйка с затылка стекла ему за ворот майки.

– ...только холодную. И в душе она не идёт.

Ева издала неопределённый звук. Посмотрев на наволочку на зеркале, она перевела взгляд на узкое окошко под потолком, кое-как освещавшую ванную, и сказала:

– Может, и электричество вернут. А в душе давно лейка не работает.

После банных процедур оказалось, что Тобиаш действительно не врал насчёт готовки – в отличие от Евы. Сейчас она не могла ни есть, ни готовить, и потому не сразу поняла заданного вопроса о завтраке, а когда Тобиаш повторил, стусевалась.

Она не знала, что оставалось в доме из еды – вспомнила о каких-то закрутках в кладовке и о том, что все сковороды стояли грязными. Оценив ситуацию, Тобиаш перешёл к активным действиям.

Он решительно раздвинул шторы в кухне, заглянул сначала в кладовку, где действительно оказались помидоры десятилетней выдержки, затем отпер маленький шкафчик в стене, что под подоконником, и нашёл там мышинный помёт. Наконец, будто зная, что его там ожидает, Тобиаш зажал нос и открыл холодильник.

Ева же о холодильнике и о том, что без электричества он работать не способен, забыла, за что поплатилась, чуть не упав в обморок.

Раскрыли ещё и окна.

– Где у вас тут, говорите, магазин? – спросил Тобиаш гнусаво, сжимая пальцами ноздри. – И где помойка?

Ева навалилась животом на подоконник и махнула рукой.

– Купите сигарет, – прохрипела она, жадно вдыхая воздух, пахнувший снегом и пропиткой для шпал.

Тобиаш обернулся за полчаса.

Ева вышла встречать со свечой и глазела на снег, стремительно таявший на носгах его стоптанных ботинок, пока тот разматывал свой шарф.

– Знаете, Ева, – сказал наконец Тобиаш, забрасывая шарф на полочку, – мне всю ночь казалось, будто я еду в поезде.

– Да? – спросила Ева скорее из вежливости, чем из желания поддержать разговор, и Тобиаш кивнул, скидывая ботинки.

– Потом на меня упал таракан, и романтика кончилась.

Не найдя, что ответить, Ева выдавила:

– Они тут... такие.

Отложив вилку, Тобиаш вытер губы салфеткой и нарушил наконец молчание, продолжавшееся без малого полчаса.

– Скажите мне, Ева, почему на вашей улице два дома? Седьмой и семнадцатый... Где остальные?

Тишина повисла вновь. Ева слышала, как тикают часы на руке у Тобиаша и как вдалеке стрекочет сорока.

– Остальные снесли, – ответила она наконец, тоже откладывая вилку. Тобиаш посмотрел на не тронутую почти яичницу в её тарелке и подпёр голову рукой.

– Нас тоже сносить обещают, – продолжила Ева, ковыряя пальцем прожжённое пятно на столешнице. – Всё обещают и обещают... Инспекция на прошлой неделе приходила.

– Инспекция? – переспросил Тобиаш, выпрямляясь. Ева кивнула.

– Делали замеры, обмеры. Так говорят. Я не видела. Меня не было... Не было дома.

Ева опустила голову, смаргивая слёзы, а когда подняла глаза, Тобиаш разглядывал трещину над самой своей головой.

– Свет вам перед сносом отключили?

Сглотнув, Ева взяла вилку и ткнула ею в жёлтый глазок на тарелке.

– Нет. Авария.

И – тишина. Ева ковыряла яичницу, Тобиаш глядел в потолок, из крана капала вода, а скорый пассажирский следовал без остановок.

Когда Тобиаш посмотрел на Еву, а Ева на него, слова родились сами собой.

– Вы так быстро меня нашли... Я ведь только вчера расклеила.

– А я только вчера приехал, – пожал плечами он и обхватил себя руками, сунув ладони в подмышки. – У вас милый город. Лес, река. Рельсы вот.

– У нас шапито летом приезжает, – сказала Ева и вновь уткнулась в тарелку.

Пока Тобиаш мыл в кухне посуду, Ева стояла у запертой двери в коридоре и глядела на припиленный к ней календарь с белым котёнком, а котёнок таращил глупые свои глаза на неё. Она слышала, как Тобиаш напевает себе под нос песенку без слов, и мелодия была ей смутно знакома, но уловить её и вспомнить она не могла. Когда глядеть на котёнка стало совершенно невыносимо, Ева отвела подсвечник в сторону и осветила скатерть на зеркале, а вместе с ней – большого таракана, медленно шевелившего рыжими усами.

Усы. Вчера они у Тобиаша были, как была и короткая борода – утром он побрился, а она, так занятая своими мыслями или, верней, пустотой внутри, и не заметила.

В дверь постучали, и вода в кухне тут же прекратила литься. Ева отперла дверь и увидела перед собой Адека, старшего сына пани Влашувой.

– Здравсьте, – он приподнял вежливо кепку. – Мать сегодня печёт сборный пирог. Приглашает вас на ужин. В шесть. Просила, чтобы вы пришли обязательно.

– Обязательно, – повторила за Адеком Ева, и тот ещё раз приподнял кепку.

– Бывайте, – бросил он и пошёл вверх по скрипящей лестнице.

Войдя в кухню, Ева не сразу заметила Тобиаша – тот стоял почему-то между шкафом и стеной, держа в руках посудное полотенце и кружку, из которой пил за завтраком чай.

– Чего это вы прячетесь? – спросила она. Тобиаш усмехнулся.

– Я совершил убийство.

– Интересно, – сказала Ева, а Тобиаш указал ей на раздавленный тараканий труп на полувицах.

– Где у вас веник?

– За дверью. Меня позвали есть пирог в шесть. Вы пойдёте? Это недалеко, этажом выше.

Тобиаш, заметавший уже таракана в совок, замер.

– Что за пирог?

Пожав плечами, Ева села за стол и вынула сигареты из кармана халата.

– Сборный.

– Спасибо, подумаю, – ответил Тобиаш и замёл в совок луковую шелуху, валявшуюся неделю под столом.

– Я тоже ещё подумаю.

Тобиаш сбросил мусор в мусорный ящик.

– Вы всегда открываете дверь, не спросив, кто там?

– А?

Повторив вопрос, он добавил:

– Опасно одной.

Ева сунула руки в карманы халата, не находя слов.

О пироге Ева вспомнила в половине шестого, когда в квартире над ней заскрипели половицы – Адек и Ваца раздвигали стол. Перевернувшись на спину, она протёрла глаза кулаками и прислушалась к их глухим голосам, но слов не разобрала.

Тобиаш обнаружился сидящим за кухонным столом с ворохом газет. Свечу он воткнул в горлышко бутылки из-под купленного утром кефира – не растерялся, но растерялась Ева, вспомнившая, что где-то в квартире был ещё один подсвечник.

Кажется, в закрытой комнате.

Наверное, Тобиаш справился и так.

– Красивое платье, – сказал он, поднимая глаза от газеты, и Ева слегка покраснела, сбросив с рукава пёрышко.

– С-спасибо, – пробормотала она. – Вы идёте?

Тобиаш покачал головой.

– Боюсь, что нет. У меня своя культурная программа, без пирогов: сейчас я дочитаю газету и лягу спать. С вашего позволения. Если что, есть ещё яйца, сыр и колбаса. И картошки я взял.

Ева, моргнув, кивнула, и Тобиаш, улыбнувшись ей, перевернул страницу.

Дверь открыла Мира, жена Адека.

– Ева пришла, – крикнула она, оборачиваясь назад, и отстранилась, пропуская. – Приветик!

– Привет, – буркнула Ева, втягивая ноздрями воздух – запах пирога она почуяла ещё на лестнице. Из кухни со свечой в руках выплыла пани Влашува, накрашенная так, что на лице её, казалось, было в два пальца румян и пудры.

– Добрый вечер, дорогая, – пророкотала она, расплываясь в улыбке. – Прошу, входите в зал. Все уже собрались.

В гостиной, названной пани Влашувой залом, было жарко и накурено. Центр раздвинутого стола, накрытого праздничной бордовой скатертью, украшал букетик сухих цветов. Рядом стояли две бутылки вина и несколько разномастных тарелок с нарезкой колбасы и сыра. Со стены на стол взирал покойный пан Влашув, снятый в военной форме на фоне фальшивых гор и нарисованного моря.

Ваца и Адек встали из-за стола одновременно.

– Садитесь!

– Проходите.

– Не сюда – тут мама сядет.

– Здесь ножка шатается.

– Вам налить?

Ева покачала головой, и Ваца, оказавшийся рядом с ней, наполнил свой бокал.

– Хорошая сегодня погода, да? – сказал он, пригубив вино. – Свежо так, чисто.

– Чушь, – сказал Адек, сдвигая брови. – Всё уже тает, грязь одна. Возьмите колбасы.

Пани Влашува, толкнув слегка сына бедром, поставила перед Евой тарелку.

– Не ворчи, Адек. Ева, вам уже предложили вина? Ваца достал на станции. Всё-таки сотрудник буфета имеет привилегии... Адек усмехнулся в усы, а Ваца, зардевшись, наколол на вилку маленький солёный огурчик.

– Что да, то да, – сказал он многозначительно и положил огурчик на Евину тарелку. Ева чуть сморщилась, но ничего не сказала. Сгорбившись, она расправила складки на платье.

Пани Влашува, кашлянув, села во главе стола, поправила одну из свечей в большом бронзовом подсвечнике и, кашлянув ещё раз, подняла бокал.

– Сегодня день рождения отца, – провозгласила она, указывая на портрет мужа. – Дмитрий всю жизнь работал на благо своей страны, своей семьи, своих друзей... Что бы ни происходило.

На этих словах пани Влашува чуть повернулась, кивнув Еве, и Адек с Вацой тоже посмотрели на неё. Ева почувствовала тошноту. Запах пирога, пробудивший в ней если не волю к жизни, то её отголосок, сейчас показался ей невыносимым. Поняв, что идея придти сюда была ошибкой, Ева лихорадочно стала придумывать маневр отступления – но в «зал» заглянула Мира. Вытерев руки о передник, надетый прямо поверх выходного платья, она спросила, близоруко шурясь:

– Заносить пирог-то?

– Заноси, – позволила пани Влашува.

После того, как от пирога остались лишь крошки, Адек, нисколько не стесняясь дам за столом, распустил брючный ремень и закурил. Ваца же, сначала досаждавший Еве пустыми разговорами о погоде и примолкший на время еды, тоже засмолил сигаретку и вновь раскрыл рот:

– Чудесный пирог, не правда ли? Вы ведь любите готовить? Если хотите, мама поделится с вами рецептом.

Ева поглядела на половину куска на своей тарелке, искромсанную едва ли не в пыль, и медленно кивнула. Пани Влашува же растянула губы в улыбке.

– О-о, меня научила свекровь... Вы заметили, что тесто тает во рту? Там есть небольшой секрет, но я расскажу вам его только с глазу на глаз.

С этими словами пани Влашува встала, забрала тарелку у дымящего Адека, у Вацы и, взяв свою, подмигнула Еве:

– Оставим мальчиков наедине с их разговорами.

Ева поднялась на ноги, вытирая вспотевшие ладони о подол платья, и последовала за пани Влашувой.

– Мира, отдохни, – сказала пани Влашува невестке, заходя в кухню, и та, пожав плечами, слезла со своей табуретки и вышла. Составив тарелки в мойку, пани Влашува отёрла руки салфеткой и, повернувшись к Еве, потрепала её по щеке. Невольно отстранившись, Ева пробормотала слова извинения, но пани Влашува покачала головой.

– Я понимаю, как тебе тяжело. Я потеряла мать в шестнадцать. Тебе двадцать лет...

– Двадцать три, – прошептала Ева, ковыряя шов платья.

– Конечно, всё это случилось так не вовремя, – продолжила пани Влашува. – Адеку тоже грозят увольнением – он вчера сказал мне, что с фабрики выставили ещё сорок человек... Ты не нашла ещё работу?

– Не нашла.

Смахнув с клеёнки на столе просыпанную муку, пани Влашува мягко улынулась.

– Ты всегда можешь попросить у нас о помощи, Ева. Помни это. Мы не бросаем друзей. Потерев ладонью затылок, Ева исподлобья взглянула на лицо соседки, слабо освещённое стоявшей на плите свечой и похожее на вырезанную из дерева маску.

– У Вацы на станции есть связи, – напомнила пани Влашува. – Он уже приготовил место для Адека, если что-то случится. Он устроил Миру. Я думаю, можно устроиться даже в буфет. Ближе к еде ведь лучше, правда?

Тошнота подступила к горлу Евы, в глазах потемнело, но дурнота отступила так же, как и пришла.

– Правда, – выдавила она. – Спасибо. Я... я жильца себе нашла, он мне платит.

Пани Влашува изогнула бровь.

– Как это – жильца?

– Так, – ответила коротко Ева.

Пройдя к окну от Евы и обратно, пани Влашува присела на табурет.

– Это высокий такой? С саквояжем? В чёрном пальто.

– Он.

– А я думала, кто у нас ходит во дворе... Ты его знаешь? Он хороший человек? – заговорила она обеспокоено, пристально глядя на Еву.

Ева и сама толком не понимала, хороший ли человек её жилец, и не могла сказать, что знает о нём хоть что-то, кроме того, что зовут его Тобиашем, в город он приехал на днях... А лет ему сколько? Наверное, до тридцати.

И готовит.

Картошки вон купил.

– Хороший, – подтвердила она после паузы.

– Бумаги-то у него взяла? – недоверчиво спросила пани Влашува.

– Взяла, – соврала Ева, но соседка не успокоилась.

– Будь осторожна, – сказала она, подняв поучительно палец. – Если что, беги сразу к нам: Ваца занимался боксом...

Вернувшись домой, Ева сразу завернула в кухню и выпила залпом три стакана холодной воды подряд. Голова трещала, и Ева не могла понять – вокруг не видать ни зги, потому как в глазах потемнело или потому что доходит восьмой час.

Утерев губы ладонью, Ева присела за стол и увидела свёрнутую газету – одну из тех, что её жилец читал днём. В глаза ей бросились чёрные рамки. Приглядевшись, она поняла, что это были сплошь некрологи. Отодвинув газету в сторону, Ева закрыла лицо руками и тихо заплакала.

Свет локомотивных фар пробился сквозь задёрнутые шторы, заставив Еву уткнуться лбом в стену. Через секунду свет пропал, но появился вновь, заполняя комнату и пролезая под плотно сомкнутые веки. Раскрыв глаза, Ева увидела, что люстра под потолком зажжена, и услышала не голос диспетчера, а бормотание заработавшего приёмника на подоконнике.

– Там не было ничего трагичного, – пробубнил Тобиаш, встретившийся Еве у гардероба. Поставив саквояж на обувную тумбу, он стал разматывать шарф.

– Вы...

– Ничего трагичного, – повторил он. – Странно, что электрик не справился.

– Он и не приходил вообще... – смущённо сказала Ева, и Тобиаш едва не выронил шарф.

– Как это?

Ева запнулась, задумавшись над тем, говорить ли Тобиашу правду: кто знает, не возьмёт ли он сейчас свой саквояж, не завернётся ли снова в шарф и, что самое главное, не забрёт ли деньги обратно.

– Нас ведь списали со счетов, скажем так. Там что-то хлопнуло, и свет вырубился. Мира... Это соседка сверху. Мира пошла в управу за электриком, ей пообещали, что он придёт, а он не пришёл. Знаете, чудо, что провода всё же не перерезали. И дают воду. И...

Ева замолчала, почувствовав себя так, словно выговорила только что все слова, какие были у неё в запасе на день или даже на неделю. Тобиаш покосился на неё, вешая пальто на крючок.

– И тепло, – заметил он.

Ева с облегчением выдохнула. Переведя дух, она с надеждой спросила:

– Может, вы и часы можете?

– Могу, – подтвердил Тобиаш. – Но потом. Я очень устал. Извините меня.

Ева затушила сигарету, подкрутила немного звук у приёмника и продолжила наблюдение за тремя путейцами на дрезине – теперь и они, и снежинки, медленно падавшие с неба, двигались под звуки вальса. Постояв ещё немного у окна, она заглушила приёмник совсем, набросила халат на кресло и полезла в шкаф за рейтузами.

– Я проветрится, – сообщила она Тобиашу, пившему в кухне кефир со своими газетами. Он вытер молочные усы и указал пальцем на одну, лежавшую перед ним.

– В прогнозе заморозки и ледяной дождь.

– Я возьму зонтик, – ответила, не подумав, Ева, и Тобиаш рассмеялся. Ева посмотрела на него, на капли кефира на его щеках и тоже засмеялась – кажется, впервые за последние дни.

На лестнице она столкнулась с пани Влашувой, нёсшую неоципанную курицу.

– Проснулась у них совесть! – заявила она, указывая на горящую на лестнице лампочку, и зло трянула курицей. – Проснулась.

– Это жилец мой починил, – не без гордости сказала Ева, и пани Влашува часто заморгала.

– Жилец? – протянула она. – А как он попал к щиткам-то? Там же на замок закрыто. А ключ у меня.

Об этом Ева не подумала.

– Там не в щитках дело было, – сказала она глухо и спустилась на пару ступеней вниз, но пани Влашува преградила ей путь, угрожающе выставив вперёд курицу.

– А в чём же тогда?

– Я в этом не разбираюсь, – честно призналась Ева и отвела руку соседки в сторону. – Пропустите... Пожалуйста.

– Ева, это ведь не игрушки, – свистящим шёпотом произнесла пани Влашува. – Будь аккуратней. А если он квартиру обнесёт? Или...

– Или? – переспросила Ева, сверкнув глазами. Пани Влашува раздула ноздри.

– Я беспокоюсь за тебя, Ева. Ты совсем одна.

Ева посмотрела на курицу, безвольно висевшую в руке соседки.

– Я сама по себе. Пустите.

Пани Влашува посторонилась и, когда Ева спустилась уже вниз, бросила:

– Тем, кто сами по себе, три комнаты не дают. Одну в лучшем случае.

Ева замерла на месте. Развернувшись, она взглянула на соседку, заслонившись рукой от яркого света лампочки.

– Это как?

Курица качнулась в руках пани Влашувой.

– А вот так. Управа считает метраж по человеку. Когда Тинка...

Пани Влашува боязливо обернулась на закрытые двери соседских квартир и продолжила, понизив голос:

– Когда Тинка окрутила Вацлава, нам ведь приписали ещё одну комнату. Она сунула им справку, что беременна – она и нас ей обманула, у неё тётка работает в госпитале... Склеила справочку, а потом сбежала с трубачом. Подала на развод – пришла на той неделе телеграмма, я говорила твоей маме... И комната тью-тью. Как нам в три? А если Мира забеременеет после сноса, нам четвёртую никто не даст. Ева, а тебе ведь дадут одну, ты понимаешь? Бланки больше нет. Если ты сама по себе, тебе придётся заезжать в одну комнату со всей мебелью, со всеми вещами. Ты понимаешь?

Палец Евы вдруг пронзила боль, отозвавшаяся даже в локте. Только сейчас она поняла, что до этого сжимала палец зубами. Взглянув на него так, словно видела его впервые, Ева спрятала руку за спину и хрипло сказала:

– Хорошо. Хорошо. Я потом над этим поразмыслю. Сейчас мне нужно прогуляться. Раз-вееяться.

– Я понимаю, – согласилась пани Влашува, облакачиваясь на перила. – Заходи ко мне потом. Может, что вместе и придумаем. Ваца, кстати, сегодня выходной, – как бы между прочим заметила она. – Сварю ему курочку, как он любит. И ты заходи.

Между двумя рябинами была натянута верёвка, а на ней сушилось бельё и полосатый половик. Закурив, Ева отёрла со скамьи под одной из рябин снег и присела на самый краешек. Окно её кухни выходило во двор, окна комнат – на железную дорогу, поэтому Ева их сейчас не видела, чему была на самом деле рада: задёрнутые шторы запертой комнаты матери ей сейчас видеть не хотелось.

Пальцем накрыв упавшую на колено крупную снежинку, чтобы та растаяла мгновенно, она сбросила пепел под ноги и подняла ворот пальто, глядя перед собой – а на самом деле в никуда.

Истошный вопль раздался из подъезда, и Ева выронила сигарету. Судорожно вцепившись пальцами в скамью, она с ужасом увидела выбегающую во двор курицу. Курица улепётывала со скоростью света, перья её летели во все стороны – наконец, свернув за облетевший куст, она скрылась, а из дома медленно вышла пани Влашува, бледная, как полотно. Мелко крестясь, она прислонилась к косяку и только затем увидела сидевшую под деревом Еву.

– Мне кажется, я сошла с ума, – замогильным голосом произнесла пани Влашува. Ева облизала пересохшие губы. Соседка медленно, пошатываясь, подошла к ней и присела рядом. – Мне кажется, я сошла с ума...

– Что такое?

– Мне сказали, что курица свежая... Я покупала свежую курицу...

– Она и правда свежая, – сказала Ева и захохотала так, что пани Влашува подскочила на месте.

Ева смеялась, когда пани Влашува, теперь уже краснея, скрылась в доме, и смеялась, когда снег пошёл сильнее, а затем как отрезало.

– Так быстро проветрилась? – спросил Тобиаш, когда Ева вошла в кухню. Ева не ответила, а прошла к буфету, вынула три стакана, наполнила каждый водой из графина, и выпила один за другим, не останавливаясь.

– Ветер был сильный, – сказала она наконец. – Ты слышал крик? Я...

Ева осеклась, удивившись тому, как внезапно она перешла на «ты» со своим жильцом. Тобиаш же мрачно поглядел на окно.

– Кто-то скрёбся под дверь, я подкрался и выглянул в глазок. А там тётка с курицей.

– Это моя соседка сверху. Я про неё говорила... Пани Влашува.

– Я так и понял. Очень любопытная пани. Она стала смотреть в щёлочку, заглядывать в замочную скважину, прикладывает к двери ухо.

Ева сглотнула и вылила в стакан остатки воды.

– А ты?

– «Пошла ты, старая курица», подумал я. И она удрала.

– Чего?

Тобиаш сдвинул брови.

– Я сказала ей, что сдала комнату, – пояснила Ева, споласкивая стаканы. – Наверно, она хочет с тобой познакомиться.

– Наверное, ей лучше этого не делать, – осторожно сказал Тобиаш, обхватывая себя руками. Ева повернулась к нему.

– Почему это?

– Она нервная – я напугал её одной силой мысли. А что будет, если она меня увидит?

Ева фыркнула и составила стаканы обратно в буфет.

– Во-первых, она тебя уже видела, когда ты был во дворе. А во-вторых...

«...её напугала курица», хотела сказать Ева, но вспомнила вдруг разговор на лестнице и сказала совсем другое:

– ...как ты добрался до щитков, если они закрыты, а ключ у пани Влашувой?

– Там было открыто, – сказал Тобиаш, глядя на Еву кристально чистыми и бесконечно честными глазами. – А какие часы нужно починить?

Как всё это вышло, Ева не поняла и сама.

Вот она сидит, а вот упала, и перед глазами – не Тобиаш, ковыряющийся в шестерёнках, а бездна.

Мягкий голос позвал из тьмы, повторив её имя раз и другой, и Ева потянулась к нему, хватаясь за воздух и плача от счастья и облегчения – наконец она пришла, наконец вернулась.

Мама.

– Мама...

– Тише ты, ну!

Когда бездна растаяла, а комната вернула себе очертания, Ева обнаружила себя на своей кровати. Рядом на коленях стоял Тобиаш, встревоженный и взъерошенный.

– Ты чего падаешь? – спросил он, хмурясь. Ева чувствовала, что во рту у неё пересохло, а язык казался куском наждачной бумаги.

Тобиаш встал, отряхивая колени, и прошёлся взад-вперёд по комнате, заложив руки за спину.

– Ты ела сегодня? – спросил он вдруг, останавливаясь напротив. Ева не помнила точно, что было на завтрак и как она вела себя за ним, не помнила, съела ли что-нибудь за обедом, а помнила только стакан горячего чая... Или она выпила его вчера?

Или не пила совсем?

– Так нельзя, – припечатал Тобиаш. – Так нельзя, слышишь? Есть надо каждому человеку, каждой твари земной – это закон природы. Есть надо, иначе умрёшь.

– Я не хочу, – прошептала Ева, отворачиваясь.

– Есть не хочешь?

– Жить.

Наскоро сварив бульон из кубика, Тобиаш налил его в кружку и заставил Еву выпить.

– Можно туда ещё булку крошить для сытности, но и так хорошо, – сказал он, присаживаясь на край Евиной кровати. – Жаль, что та курица убежала – пригодилась бы. Да ведь?

Ева чуть сморщилась и откинулась на подушку, разглядывая потолок. Тобиаш покосился на неё и продолжил:

– Я кое-что понимаю в голоде. Есть надо, Ева. Видел я человека, который объявил голодовку – держался ровно тридцать дней, а потом всем это надоело. Его взяли и накормили. Через трубочку. И вся голодовка его кончилась.

Ева ничего не ответила, и Тобиаш чуть покраснел.

– Тебе ещё повезло – трубочку-то ему в зад вставили...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.